

DOI 10.25991/VRHGA.2018.19.3.014

УДК 94(47).084.1; 329(470+571)

П. И. Талеров, Л. Ю. Гусман*

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ БЕЗ НАСИЛИЯ: РАДИКАЛЬНЫЕ ДЕМОКРАТЫ ОБ АЛЬТЕРНАТИВНОМ ПУТИ РАЗВИТИЯ РОССИИ**

Российская радикально-демократическая партия в определенной степени феномен в российской истории начала XX в. Радикал-демократы, определившие свое место левее конституционных демократов и правее социалистов, выдвинули довольно привлекательную программу для определенных слоев российской интеллигенции. Эта оригинальная партия даже смогла войти в состав коалиционного Временного правительства и имела реальные перспективы развития демократического российского общества. Однако в канун октябрьского переворота внезапно сошла с политической арены, оставив «белые пятна» в российской истории.

Ключевые слова: РРДП, радикальные демократы, кадеты, Февральская революция, Временное правительство, Июльский кризис, федерализм, самоуправление, М. В. Бернацкий, Н. В. Некрасов, И. Н. Ефремов, Н. И. Коробка, М. С. Маргулиес.

P. I. Talerov, L. Ju. Gusman

*DEMOCRATIC REFORMS WITHOUT VIOLENCE:
RADICAL DEMOCRATS ABOUT THE ALTERNATIVE WAY OF RUSSIA'S
DEVELOPMENT*

The Russian Radical-Democratic Party is (to a certain extent) a phenomenon in Russian history at the beginning of the 20th century. The radical democrats, who determined their place to the left of the constitutional democrats and to the right of the socialists, put forward a

---

* Талеров Павел Иванович, кандидат исторических наук, доцент, директор Учебного центра по РОУГи МЗ ИДПО НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург; t5591p@mail.ru; Гусман Леонид Юрьевич, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и философии, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения; blummer@mail.ru.

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Белая альтернатива. Лидеры и идеи Белого движения в исторической памяти российской культуры» № 17-83-01005-ОГН.

rather attractive program for certain strata of the Russian intelligentsia. This original party even could join the coalition Provisional Government and had real prospects for the development of a democratic Russian society. However, it suddenly left the political arena on the eve of the October coup, leaving “blank spots” in Russian history.

Keywords: The RRDP, the radical democrats, the Cadets, the February Revolution, the Provisional Government, the July crisis, federalism, self-government, M. V. Bernatsky, N. V. Nekrasov, I. N. Efremov, N. I. Korobka, M. S. Margulies.

Среди политических партий, имевших своих представителей во Временном правительстве и боровшихся за власть, есть одна организация, о которой, кроме небольших энциклопедических заметок, нет ни научных монографий, ни подробных исследований — Российская радикально-демократическая партия. Эта статья — одна из первых попыток устранить этот пробел в нашей истории...

Летом 1917 г., после Июльского кризиса, радикальные демократы получили ведущие посты во Временном правительстве, что наглядно свидетельствует о том, что эта партия занимала не последнее место. Однако современная российская историография (как, кстати, в свое время и советская) об этом чаще всего умалчивает. Конечно, когда вспоминаешь историю власти этого драматического периода, на ум приходит известная басня И. А. Крылова «Лебедь, щука и рак», наглядно демонстрирующая бесплодные старания различных революционных сил сдвинуть с места «воз российских проблем», объединить различные по своим интересам и целям социальные группы. В результате смогли победить те, у кого было больше политической воли, умения вести активную пропагандистскую работу, кто смог привлечь на свою сторону (пусть даже демагогией и пустыми обещаниями) широкие народные массы. Они и подхватили «брошенную» другими власть, перевернув затем не только всю страну, но и весь мир.

Но у радикальных демократов в России были свои взгляды и свой реальный потенциал. Начиналась эта партия с петроградского кружка радикалов, созданного в 1915 г. по инициативе Д. Н. Ружского, М. В. Бернацкого и Максима Горького. Последний, кстати, отмечал, что такая партия «необходима в России и должна всосать в себя всю — по возможности — массу людей, которая оставалась неорганизованной между кадетами справа и социалистами слева. Думать об организации такой партии я начал еще в 1910 году...» [5, с. 32]. Вместе с тем, оказывая формирующейся партии всякое содействие, сам Горький вступать в нее не собирался [18, с. 398–399]. Своей основной целью она поставила поиск демократического пути развития страны, компромиссного между буржуазным и социалистическим. После подписания императором Высочайшего Манифеста 17 октября 1905 г., в котором населению даровались «незыблемые основы гражданской свободы», группа радикалов учредила свою партию 3 ноября 1905 г., а 27 ноября в Петербурге состоялось первое общее собрание. «Общее число лиц, записавшихся в партию, доходило в СПб. до 300 и в провинции тоже до нескольких сотен». Окончательно программа партии так и не была выработана, был лишь подготовлен ее проект, который предполагалось утвердить «на учредительном собрании партии, но оно так и не состоялось». В комитет партии вошли М. С. Маргулиес, профессор А. С. Гинзберг, Л. М. Рейнгольд и др. С 15 января 1906 г. партия стала издавать в Петербурге

газету «Радикал» (ред. М. С. Маргулиес), за вторую половину января вышло 6 номеров, «из коих 2 конфискованы; на № 6 газета запрещена, с привлечением редактора к суду [2, с. 506–507]. Газета «Радикал» позиционировала себя не как официоз партии, а как стремящуюся прежде всего «быть представителем политического и социального течения, которое объединяет все оппозиционные нынешней правительственной системе партии и группы» [17, с. 1]. Отдельные представители самой группы радикалов вошли затем в РРДП.

Прежде чем рассматривать политические взгляды и программу радикальной партии, следует отметить, что сам термин «радикализм» в то время имел несколько иное содержание, чем сейчас, когда он практически стал синонимом экстремизма: «Для Р[адикализма]. характерно стремление к быстрому темпу перемен, оправданно силовых методов достижения поставленных целей», т. е. речь идет о насилии как основном инструменте социально-политических изменений. Вместе с тем главное различие между радикализмом и экстремизмом современные политологи видят в том, что, если первый означает «идейное, теоретическое обоснование политического действия», то второй и есть само действие, использующее «насильственные средства политической борьбы» [12, с. 114]. Обратимся теперь к словарю прошлого:

Этим термином (радикализм. — П. Т., Л. Г.) обозначается стремление доводить политическое или иное мнение до его конечных логических и практических выводов, не мирясь ни на каких компромиссах. <...> Р[адикализм]. противоположен оппортунизму или пошибилизму и является скорее делом темперамента, чем убеждения [3, с. 73].

Тогдашние «радикалы» воспринимались, скорее всего, как левые центристы — «социал-либералы», хотя, по признаю того же автора, в России «термин радикализм долгое время не отличался достаточной определенностью»: так называли революционеров, а также левое крыло либералов. Но иногда (чаще в реакционной печати) этот термин применялся ко всем либералам, что имело «явную тенденцию смешать легальных умеренных либералов с активными революционерами» [2, с. 506].

Проводя идеи радикальной партии, газета «Радикал» главной своей целью ставила борьбу за «полное освобождение народа от всех губительных для него предрассудков», при достижении которого только и можно говорить о полном народовластии [17, с. 1]. В самой программе намечалось широкое проведение партией политического равенства, установление принципов «демократии в чистом ее виде» и «широкой национально-политической автономии», декларировалось признание «законченною формою политического строя демократической республики», была обозначена необходимость «строгого парламентского строя с министрами, избираемыми из членов парламентского большинства». Не остались в стороне и основные демократические свободы: право референдума, политические права для женщин, уничтожение всех сословных и пр. различий [19, с. 29–31]. В экономической сфере радикальная партия и следом «Радикал» также поддержали реформы социалистического плана, оставаясь, по словам авторов, «выразителем реальных экономических нужд народа». Под народом понималась федерация, т. е. «самостоятельное определение тех форм,

в которых возможно будет отныне братское сосуществование всех народностей, населяющих Россию» — своеобразные «соединенные российские штаты» [17, с. 1]. В аграрном секторе партия намечала образование земельного фонда за счет «экспроприации безо всякого вознаграждения земель государственных, удельных, кабинетских, монастырских и церковных», и за минимальное вознаграждение — «частновладельческих земель». Предполагалось также установить «максимальный предел частного владения землею», при превышении которого излишек подлежит экспроприации [19, с. 31].

Особой оригинальностью в сравнении с программами других социалистических партий, как может показаться на первый взгляд, программа радикалов не отличалась. Но у большевиков, обрушившихся на нее с резкой критикой (как, впрочем, и на другие оппозиционные ей партии), она определенно вызвала раздражение:

Благодаря своему крайнему демократизму и в то же время отрицательному отношению к коллективизму, радикальная партия осуждает себя на политический оппортунизм, на стремление провести лишь такие облегчения для трудящихся, которые будут в данный момент иметь успех среди господствующих классов.

И далее — безапелляционный вывод:

Не имея самостоятельного значения (в парламентском смысле), рад[икальная] партия будет идти то с мелкой буржуазией, то с рабочими, то, наконец, и с крупными буржуа — в зависимости от конъюнктуры данного момента.

Такая гибкость любой политической партии несомненно дает ей шансы на численный рост и успех, но большевиков как раз нервировала такая политика соглашательства у своих соперников-конкурентов, как будто они сами никогда не прибегали к такой тактике. Автор статьи прозорливо предвещал, что «к тому моменту, когда радикальной партии придется играть в жизни страны действительно крупную роль, она будет разжижена и разбавлена боязливо сторонящимися ее ныне элементами», т. е. в дальнейшем ей предрекалось превращение в буржуазно-республиканскую партию: «...партия эта станет правительственной, и потеряет в глазах сомневающих всю прелесть недосказанного, всю привлекательность полускрытого» [9, с. 1–2]. История наглядно показала, что та же формула оказалась вполне применимой и к правящей большевистской партии с не менее тайными полумифическими смыслами, о которых предостерегали пролетариат в отношении радикальной партии.

В канун великих катаклизмов, в марте 1917 г., И. В. Владиславлев собрал под одной обложкой программы тех политических партий, «будущность которых не подлежит сомнению». Относительно радикальной партии, программа которой также была включена в сборник, издатель в предисловии предрекал, что, хотя она

и исчезла давно уже с политического горизонта, но в том или ином виде, несомненно, возродится в ближайшее время к жизни: элементы, не удовлетворяющиеся умеренно-демократической программой к-д. партии, но и не являющиеся социалистическими, где-нибудь должны будут объединиться (в газетах уже промелькнуло

сообщение об организации новых партий — «Радикально-демократической» и «Радикально-республиканской») [21, с. 3].

Итак, осенью 1916 г. было принято решение о создании партии, которая опиралась бы на тех, кто занимал тогда позиции левее кадетов, но правее эсеров. Учредительное собрание состоялось в Петрограде уже в марте 1917 г., и к концу месяца, «впитав» в себя часть левых кадетов и бывших думских прогрессистов (к партии примкнули: Л. А. Базунов, И. Н. Ефремов, И. В. Титов, А. И. Коновалов, А. А. Барышников, М. Я. Гродзицкий, священник Д. Я. Попов [7, с. 833]), Российская радикально-демократическая партия (а в сентябре в нее влилась и Республиканско-демократическая партия) начала свою очень непродолжительную жизнь на политической арене. Под влиянием деятелей «либер[ально]. — консервативной ориентации был откорректирован первонач[альный]. народническо-меньшевистский проект программы партии (1916) и сформулирован новый» [7, с. 833]. Опубликованная в мае 1917 г. программа новообразованной партии по сути заимствовала развивала главные идеи своей предшественницы 1905–1906 гг. и впитывала буржуазно-либеральную традицию, широко опираясь на важнейшие демократические институты. В первых строках своей программы радикальные демократы провозглашали широкие права для российских граждан, которые должны быть равными перед законом вне зависимости различия сословий, вероисповеданий, национальностей и пола:

Все сословные, вероисповедные, национальные, равно как для женщин, ограничения, а также привилегии и преимущества отменяются. Отменяются все титулы, чины и ордена [20, с. 1].

Здесь же объявлялись важнейшие демократические свободы: совести и исповедания, личности, жилища и переписки, передвижения и поселения в пределах страны, выезда за границу, выбора занятий, приобретения недвижимого имущества. Отменялась паспортная система. Упразднялась цензура во всех ее видах без права восстановления, кроме военной. Всем гражданам предоставлялась свобода собраний (включая митинги и шествия), обществ и союзов без каких-либо ограничений и предварительного испрошения (согласования). Отрывалась возможность напрямую обратиться к представителям власти. Отменялись чрезвычайные суды, подменяющие порой собой судебную власть, а также навсегда отменялась смертная казнь [20, с. 1–3]. Насколько всё это было до боли назревшим и актуальным во время кровопролитной мировой войны и разгорающейся пучиной братоубийственной бойни!

Верховная власть в стране передавалась народу, от имени которого «действуют все государственные власти и установления в пределах, указанных в законе». Законодательная власть принадлежит Государственной Думе, выборы представителей в которую осуществляются «всеобщую, равную, прямую и тайной подачей голосов всеми гражданами, достигшими гражданского совершеннолетия (21 года) без различия религии, национальности и пола». Совет министров избирается Государственной Думой, она же избирает сроком на пять лет без права повторного переизбрания Президента страны — Русской Республики, как ее предлагали назвать радикальные демократы. Президент,

имеющий право законодательной инициативы и подписывающий все законы, — «первый слуга народа и отвечает за нарушение Основных Законов перед судом» [20, с. 3].

Переустройством России партия радикальных демократов полагала на федеративных основаниях, считая, что федеративный строй «должен покоиться не только на национально-территориальном делении <...>, но и на чисто территориальном», в зависимости от сложившихся традиций и обстоятельств. И хотя русский язык признавался языком государственным для работы общегосударственных учреждений и общения с местными, объявлялась полная свобода употребления родного языка в печати, публичных выступлениях и в культуре. На родном языке необходимым признавалось ввести «преподавание родной истории, языка, литературы, родиноведения» [20, с. 4–5].

Немедленно необходимо было ввести в полном виде и во всех частях России местное самоуправление, в ведение которого отнести такие отрасли управления, как:

милиция, попечение о народном здравии, школьное и внешкольное образование, благотворительность, дорожное дело, меры по подъему экономического положения населения, страхование во всех его видах, местное хозяйство, развитие телефонной сети и т. д.

Предлагались меры демократизации и повышения эффективности в экономической жизни страны: в аграрной, рабочей, финансово-промышленной и кооперативной сферах. Должна была реформироваться и вся общеобразовательная система на началах единой светской школы и вводиться всеобщее, обязательное и бесплатное обучение на начальной ступени образования, всеобщего — на средней и общедоступное — на высшей. При этом дети беднейшего населения должны были иметь «возможности получать образование на всех ступенях школы» [20, с. 7, 15].

Все эти кардинальные изменения в стране предполагалось провести также демократическим, а не революционным, насильственным, путем — через созыв Всероссийского учредительного собрания, которое

нерушимо установит форму правления в нашей родине, утвердит грядущий демократический строй Российского государства, создаст прочные основы морального и материального благоденствия трудовой массы <...>, определит законные гарантии свободного национального развития всех народов России [8, с. 3–4].

Работу в этом направлении и должна была осуществлять партия через своих представителей в органах власти Временного правительства, а также вести пропаганду в своем печатном издании — ежедневной газете «Отечество» (ред. Н. М. Соколов, изд. И. В. Титов; с 16/29 июля по 17/30 октября 1917 г. вышло 78 номеров), являющейся важнейшим «источником для характеристики идеологии и тактики этой партии» [6, с. 38]. По мнению некоторых исследователей, с сентября 1917 г. РРДП стала выпускать в Москве газету «Свободное слово».

В июле 1917 г. партия и ее центральный орган держались «чрезвычайно уверенно. Главной задачей было доказать право своей партии на существование» [6, с. 39]. Право представлять несоциалистические взгляды в то время

пытались монополизировать кадеты, а потому радикалам необходимо было показать оригинальность своих взглядов, утверждая бесспорную необходимость своего появления на политической арене. «Кадеты могут считать, — говорилось в одной из статей “Отечества”, — что они сами способны быть самой левой из несоциалистических партий и что возникновение несоциалистической партии левее кадет есть результат индивидуализма, прихоти группки лиц, не нашедших себе места в кадетской партии», но ведь кроме программы существуют другие признаки, «определяющие физиономию партии: тактика и состав». А вот это, по мнению радикалов, как раз далеко не соответствует программе. Поскольку партия кадетов создавалась в 1906 г., «когда все, как и теперь, были левее себя», то и сложилась она тогда «из гораздо более умеренных элементов, чем это подсказывалось ее программой». По этой причине демократическая интеллигенция не могла быть удовлетворена тактикой и традициями кадетов, у которых, к тому же, отсутствуют «подлинный демократизм» и «всякая связь с массами», и не имея возможностей и желания «идти с партией народной свободы <...>, либо примыкала к социалистическим партиям либо оставалась распыленной». Отсюда естественным доказывается появление радикально-демократической партии — для «естественной группировки» этой части интеллигенции. Первой своей политической победой РРДП посчитала создание коалиционного правительства после Июльского кризиса 1917 г.:

Выступление радикально-демократической партии спасло коалицию и заставило самих кадетов отказаться от их утопической, основанной на полном непонимании масс, обструкционной тактики, которая могла бы привести только к полному развалу [11, с. 8].

Таким образом, особый интерес вызывает продекларированное радикальными демократами размежевание с близкими к ним партиями. Отмечая общее с социалистами стремление к политической свободе, что «является необходимой предпосылкой для освобождения трудящихся масс от социального гнета и экономической эксплуатации», радикалы критикуют классовую теорию социал-демократов: властвующая демократия «должна себя чувствовать представительницей всех трудящихся масс населения <...>, и не во имя диктатуры пролетариата, а во имя народовластия». И социалистический строй, утверждают радикалы в согласии с народническими партиями, станет «результатом не только стихийных процессов, но и планомерного строительства», а потому нельзя по-большевистски призывать к коммунизму, «повергая страну в анархию и подготавливая бессознательно контрреволюцию» [16, с. 2–3].

Вместе с тем, в отличие от народническо-социалистических партий, радикалы считают возможным «немедленное введение некоторых элементов социализма в современный строй» только путем согласования этих реформ «с условиями существующего капиталистического хозяйства». И далее: «Мы считаем себя обязанными способствовать созданию в стране тех условий, которые необходимы для расцвета промышленного капитализма», при этом быстрое развитие производительных сил страны, по мнению радикалов, «без широкого прилива в производство капитала в особенности иностранного, и без известной свободы для частной инициативы неосуществимо» [16, с. 4–5].

Отмежевываются радикальные демократы и от кадетов, хотя и признают их «заслуги в деле организации средних слоев населения на основе демократической программы». Конституционно-демократическая партия «стала бюрократичной, и преобразование России ей стало рисоваться, как процесс исходящего сверху и из центра бюрократического строительства, а не как процесс идущего снизу всенародного творчества». А с началом мировой войны, и особенно Февральской революции, рельефно обозначился оппортунизм кадетов, занявших отрицательную позицию «по отношению к демократии и к коалиционному правительству» [16, с. 5–6].

В отличие от всех других партий, радикальные демократы подчеркивают свое обращение «не к высшим классам, а к трудящимся массам», людям как физического труда, так и умственного, «как лишенным орудий производства пролетариев, так и сохранившим орудия производства крестьян и ремесленников». Особенно внимательным отношением, доказывают радикалы, они отличаются «к автономным стремлениям национальностей и областей»: «Россия есть общее отечество всех населяющих ее народов» [16, с. 6].

Конечно, все эти программные декларации и устремления должны проверяться на реальных действиях в конкретно-исторических условиях. В разные периоды, но на более высоких постах — после правительственного кризиса в июле 1917 г., в состав Временного правительства входили четыре радикальных демократа: И. Н. Ефремов (в июле министр юстиции, с конца июля по сентябрь министр государственного призрения и председатель Малого Совета министров), Н. В. Некрасов (с июля по сентябрь занимал посты заместителя министра-председателя и министра финансов), М. В. Бернацкий (с марта управляющий отделом труда Министерства торговли и промышленности, с конца июля товарищ министра (затем — управляющий) этого же министерства, с конца сентября министр финансов) и А. А. Барышников (во время Февральской революции назначен комиссаром Временного правительства по Министерству почт и телеграфов, с июля товарищ министра (затем — управляющий) Министерства государственного призрения). Членами Предпарламента от партии были С. В. Познер и М. А. Славинский. Во время Июльского кризиса Барышников на частном совещании членов Государственной Думы 18 июля, присоединившись к призыву к единению, к общей работе и обозначив формы такого единения, зачитал декларацию центрального комитета своей партии, в которой, в частности, говорилось о необходимости власти «опираться на все живые и творческие демократические силы страны» и при формировании правительства использовать коалиционный принцип, который «единственно может обеспечить организованное единение всех политических сил, преданных свободе», а также привлечь к власти представителей «радикальных демократических слоев населения, не входящих в состав социалистических партий». Для восстановления и укрепления единства страны радикалы полагали важным «тесное сотрудничество власти с народностями, населяющими Россию и более всего заинтересованными в защите целостности их территории» [1, с. 208].

Была ли у РРДП реальная возможность вывести Россию на путь социального обновления? Из современников событий тех лет кто-то выражал сомнения, а кто-то связывал с РРДП свои надежды. «Это была фиктивная величина... —

писал в своих записках Н. Н. Суханов. — Эту “партию” составляли несколько человек катедов-социалистов и радикальных буржуа, ради персональной кружковщины отошедших от прогрессистов и не вошедших к кадетам...» [22, с. 39]. Или В. И. Ленин: «Эта, никому не известная, партия — явно тоже капиталистическая, надеющаяся “сорвать” голоса обывателей ни к чему не обязывающими обещаниями, — нечто вроде переряженных кадетов» [13, с. 191]. Эпитет других конкурентов — эсеров: «серая, тусклая, несуществующая» [15, с. 2]. В противовес этим мнениям высказался С. П. Мельгунов: «Для партии радикально-демократической, которая возродила бы традиции старой кадетской партии, несомненно имеется место в наших политико-общественных комбинациях» [14, с. 3]. И, действительно, РРДП, опираясь на реальные экономические и политические электоральные круги и входя в структуру власти, имела определенные перспективы изменить политический курс страны.

Лидеры радикально-демократической партии оказались на гребне революционной волны в конце июня 1917 г.: радикальные демократы возглавили такие важные министерства, как министерство финансов (контролировали его до самого ареста большевиками Временного правительства) и юстиции. Новая партия на короткое время вытеснила кадетов из правительства и до конца июля именно радикальные демократы представляли во власти несоциалистическую интеллигенцию. «Окно возможности», открывавшееся перед «радикалами» (в сущности их взгляды, как мы отмечали выше, были не сколько радикальными, сколько левоцентристскими), определялось целым рядом факторов. После Февральской революции партия кадетов оказалась на самом правом политическом фланге и к ней стали примыкать консерваторы, чуждые либеральной программе Партии народной свободы. Левые кадеты, во главе с Н. В. Некрасовым, еще до революции были недовольны сравнительно умеренной тактикой П. Н. Милюкова, называвшего свою партию «оппозицией его величества» и включившего кадетов в третьеиюньскую политическую систему. Весной же и летом 1917 г. Некрасов и его сторонники категорически не соглашались с враждебностью большинства кадетов к социалистическому большинству советов и с «дарданелльскими» планами Милюкова. Раскол партии кадетов и уход от них Некрасова были предрешены. К тому же на окраинах (например, на Украине и в Средней Азии) приверженность кадетов принципам унитарного государства вызывала куда меньше энтузиазма, чем федерализм радикальных демократов. Наконец, привлекательно выглядела и гибкость социальной программы новой организации. Признавая программу-минимум социалистических партий, радикальные демократы отнюдь не стремились к введению социалистического строя. Им была близка бернштейнианская идея постепенного вращивания капитализма в социализм — своего рода конвергенция, используя позднейший термин. Со своей стороны, многие социалисты, считавшие, что революция в России может быть только буржуазной, с надеждой восприняли появление радикально-демократической партии, которая, в отличие от кадетов, не претендовала на руководство революцией, была готова на сотрудничество с Советами и национальными меньшинствами и отличалась недвусмысленным республиканизмом. Вполне можно полагать, что Российская радикально-демократическая партия родилась «под счастливой звездой»,

особенно если вспомнить, что в союзнической Франции того времени Партия радикалов и радикал-социалистов была крупнейшей и системообразующей организацией, а наши отечественные радикал-демократы «с особенным сочувствием и искренностью» подчеркивали свою близость к «родственному политическому течению», которое даже по мнению его противников «является действительно демократически-настроенным и имеет “безусловное право на титул радикальной и демократической партии”». Так, в частности, в одном из последних номеров «Отечества» была опубликована корреспонденция об очередном съезде французских радикалов, на обсуждение которого был намечен целый круг актуальных для страны вопросов: «демобилизации, экономической и финансовой политики, аграрный, об управлении армией, о целях войны в связи с “Лигой наций” и т. д.». Радикал-демократы Франции, выдвинув свою социальную программу, мало отличающуюся от программы-минимум социал-демократов, тем не менее «ничем не нарушили верности своим обязательствам, ибо эти обязательства вытекали из доподлинной природы и реальных интересов демократических слоев». Автор заметки выражал уверенность, что,

если суждено демократическому движению у нас вылиться в творческие формы, то этими формами явятся течения близкие великому направлению французской политической мысли, представители которого ныне собрались на парижском съезде [23, с. 2].

Однако, решительно заявив о себе стремительным появлением на политической сцене, РРДП так же внезапно отказалась от борьбы и с этой сцены незаметно сошла непосредственно перед Октябрьским переворотом. 17 октября 1917 г. без объяснения причин (экономические, политические или какие-либо иные?) перестало выходить «Отечество», а на конференции, состоявшейся 20–22 октября при небольшом числе участников, общей мыслью прозвучало, что «тот незначительный успех, который имеет партия, объясняется тем, что в переживаемое теперь время все, вообще, “срединные партии” не могут иметь успеха» [10, с. 3]. Позже, во время Гражданской войны, еще встречались упоминания о радикально-демократической партии, часто со ссылкой на ее бывших членов. В частности, в воспоминаниях В. Горна о формировании правительства Юденича говорилось: «...северо-западное правительство определенно принимало задачи разогнанного большевиками Российского Временного Правительства и категорически подчеркивало свой радикально-демократический облик», а два члена правительства Юденича М. С. Маргулиес и М. М. Филиппео позиционировали себя членами радикально-демократической партии, стараясь проводить ее идеологию [4, с. 103]. Таким образом, радикал-демократы пытались сохранить свое влияние и в годы Гражданской войны, но после особой активности они не проявляли, и всё кануло в лету...

Исторический опыт РРДП свидетельствует, что для политического успеха в революционные времена недостаточно иметь благородные цели и привлекательную программу. Партия радикалов в реалиях российской политической ситуации оказалась мертворожденной. Конституционных демократов покинуло тогда лишь меньшинство левого крыла, а умеренные социалисты

не нуждались в партии радикалов, примыкая к народным социалистам (если склонялись к народникам) либо к меньшевикам-оборонцам и плехановцам (если выражали марксистские взгляды). К концу августа 1917 г. радикальные демократы превратились в маргинальную организацию. Газета «Отечество» поскучнела, потеряла собственное лицо и, по существу, вторила кадетским лозунгам, от которых первоначально энергично отмежевывалась. «К ноябрю 1917 активность партии угасла» [7, с. 834]. Вместе с тем еще летом 1917 г. РРДП была заметным участником политической борьбы в России и ее нельзя просто так сбрасывать со счетов. В истории этой партии остается много неясного — до конца непонятны причины прекращения издания «Отечества», нет подробностей о прошедшей в 20-х числах октября 1917 г. партийной конференции, мало что известно о внутривнутрипартийной борьбе и конфликтах по программным и тактическим проблемам. Всё это — предмет дальнейшего длительного и богатого на неожиданные находки архивного поиска.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буржуазия и помещики в 1917 году: частные совещания членов Государственной Думы / Ленингр. отд-ние Центрального исторического архива РСФСР; под ред. А. К. Дрезена, с предисл. З. Б. Лозинского. — М.; Л.: Партийное изд-во, 1932. — 328 с.
2. В-в [Водовозов] В. [В.] Радикализм // Энциклопедия Брокгауза и Ефрона. — Доп. том II: Пруссия — Фома. Россия. — СПб.: Тип. АО Брокгауз-Ефрон, 1907. — С. 506–507.
3. Водовозов В. [В.] Радикализм и радикальная партия // Энциклопедия Брокгауза и Ефрона. — Т. 26: Рабочая книжка — Резолюция. — СПб.: Тип. АО Брокгауз-Ефрон, 1889. — С. 73–75.
4. Горн В. [Л.] Гражданская война в Северо-Западной России // Юденич под Петроградом: Из белых мемуаров; ред. П. Е. Щёголева. — Л.: Красная газета, 1927; Репринт. изд.: Л.: Сов. писатель, Ленингр. отд-ние, 1991. — С. 9–161.
5. Горький А. М. О полемике // Горький А. М. Несвоевременные мысли: Статьи 1917–1918 гг. / сост., введение и примеч. Г. Ермолаева. — Paris: Ed. de la Seine, 1971. — С. 31–34.
6. Гусман Л. Ю. Газета «Отечество», как источник политической борьбы в России 1917 года // Исследование источников по истории революции 1917 года: Сборник научных статей. — СПб.: Третья Россия, 1996. — С. 38–43.
7. Иваницкая С. Г. Российская радикально-демократическая партия (РРДП) // Россия в 1917 году: Энциклопедия / [отв. ред. А. К. Сорокин]. — М.: Политическая энциклопедия, 2017. — С. 833–834.
8. К трудящимся / Российская радикально-демократическая партия. — Пг.: Тип. Д. П. Рузского, 1917. — 16 с. 9. Козырев М. Г. О «радикальной» партии // Новая жизнь. — СПб., 1905. — № 12, 18 ноября. — С. 1–2.
10. Конференция радикально-демокр[атической]. партии // Общее дело. — 1917. — № 23, 21 октября. — С. 3.
11. Коробка Н. [И.] Кадеты и несоциалистические партии // Отечество. — 1917. — № 37, 27 августа (9 сентября). — С. 8.
12. Ланцов С. А. Радикализм // Ланцов С. А. Террор и террористы: словарь. — СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2004. — С. 114–116.

13. Ленин В. И. Партии на выборах в районные думы Петрограда // Ленин В. И. Полное собр. соч. — Т. 32. — М.: Политиздат, 1969. — С. 191.
14. Мельгунов С. П. Политические партии // Свобода и жизнь. — 1917. — 17 сентября. — С. 3.
15. О муниципальных выборах / Печать и жизнь // Дело народа. — 1917. — № 59, 27 мая. — С. 2.
16. От Российской радикально-демократической партии. — Пг.: тип. Д. П. Рузского, 1917. — 8 с. 17. [Передовая] С.-Петербург, 15 января 1906 г. // Радикал. — 1906. — № 1, 15 января. — С. 1.
18. Переписка семьи Ульяновых. 1883–1917 / [под общ. ред. А. А. Соловьева]; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. — М.: Политиздат, 1969. — 462 с., 14 л. ил., факс.
19. Полный сборник платформ всех русских политических партий: С прил. Высочайшего Манифеста 17 окт. 1905 г. и всеподданнейшего докл. гр. Витте: Испр. и доп. по послед. резолюциям парт. съездов. 2-е изд. — СПб.: ННШ, [1905]. — 131 с.
20. Программа Радикально-демократической партии. 2-е изд. — Пг., 1917. — 16 с.
21. Программы политических партий в России / Под ред. и с предисл. И. В. Владиславлева. 2-е изд., испр. и доп. — Вып. 1-й. — М.: Тип. О. Л. Сомовой, 1917. — 82 с.
22. Суханов Н. [Н.] Записки о революции. 4-е изд. — Берлин-Пб., — М.: Изд-во З. И. Гржебина, 1923. — Кн. 5: [Реакция и контрреволюция. 8 июля — 1 сентября 1917 г.]. (Летопись революции). — 375 с.
23. Съезд французских радикалов // Отечество. — 1917. — № 77, 15/28 октября. — С. 2.